Мы начали готовить спецвыпуск «Русский бум» не с обложки и не с вёрстки. Всё началось с коротких постов в соцсетях — о тех, кто на рубеже XIX–XX веков менял язык живописи, архитектуры, дизайна. Мухина, Татлин, Гинзбург, Попова, Мельников...

В профессиональной среде эти имена звучат как азбука. Но стоит выйти за её пределы — и эти герои начинают исчезать. Не потому, что они меньше значат. О них просто редко говорят без музейной дистанции.

В какой-то момент я вспомнил слова Достоевского о Диккенсе — о счастье ещё не знать книгу, которая тебе только предстоит. Похожее чувство возникает и здесь: для кого-то встреча с нашими героями ещё впереди. В этом нет пробела — в этом есть шанс.

ЭТОТ НОМЕР КОМУ-ТО НАПОМНИТ, А КОМУ-ТО РАССКАЖЕТ ВПЕРВЫЕ: ЗА ПРИВЫЧНОЙ НАМ ПЛАНИРОВКОЙ, СВЕТОМ, КОНСТРУКЦИЕЙ СТОЯТ ОЧЕНЬ КОНКРЕТНЫЕ РЕШЕНИЯ. КОГДА-ТО ОНИ БЫЛИ РИСКОВАННЫМИ.

Кратко упомяну лишь нескольких титанов →

Вера Мухина. Автор «Рабочего и колхозницы» — символа страны на Парижской выставке 1937 года — и гранёного стакана, который оказался не менее живучим, чем монумент. В юности она пережила тяжёлую травму лица и серию операций. В её работах чувствуется внутренняя собранность и одновременно полётность.

Владимир Татлин. Музыкант, художник и матрос. Прошёл путь от иконописи через мастерскую Пикассо к собственному языку. Его контррельефы — это уже разговор о пространстве. У Татлина материал звучит как аргумент. Конструкция должна быть убедительной, не просто эстетичной. «Башня Третьего Интернационала» не была построена, но изменила способ мыслить форму.

Моисей Гинзбург. Человек синтеза, один из лидеров конструктивизма — без воинственного отрицания классики. Его книги и манифесты обсуждали, его проекты строили. Он скрупулёзно рассчитывал, как человек будет существовать внутри пространства: как жить, двигаться, пользоваться им. В этом его сила — в попытке продумать быт почти математически. Потом курс сменился: обвинения в формализме, исчезающие имена соратников. Ему пришлось вернуться к традиции, но он сделал ее современной.

И это лишь часть разговора. Попова, Мельников и другие герои не менее значимы — о них мы подробнее рассказываем в наших соцсетях, где этот номер, по сути, и начался.

Русский авангард часто воспринимают как краткий эпизод — яркий и быстро завершившийся. Но любой свет имеет направление. Их идеи давно растворились в повседневности — в планировке, в световом сценарии, в самом способе собирать и осознавать пространство.

Сегодня дизайнер тоже работает с будущим — пусть в масштабе квартиры, кафе, офиса или частного дома. И полезно помнить: за каждым смелым решением однажды стоял человек, который рискнул применить его первым. Мы живём внутри этих решений. И сегодня мы продолжаем этот разговор.

Марат Валиахметов
главный редактор